Бугульминскіе „псковичи“.

Посвящается дорогому другу Александру Дмитріевичу М—ну.

Съ тѣхъ поръ какъ судьба устроила мнѣ каверзу, подготовленную ею для многихъ и многихъ изъ нашего брата—россійскихъ дворянъ, съ тѣхъ поръ какъ я лишился „своихъ“ гончихъ, „своего“ доѣзжачаго, я исподволь началъ свыкаться съ мыслію никогда уже больше не охотиться какъ слѣдуетъ по красному звѣрю; если теплилась еще въ сердцѣ слабая надежда отголкать торжественно красавицу-куму, или сѣраго друга, такъ вся она цѣликомъ возлагалась на случайную благосклонность Діаны, да на то еще, что есть же на свѣтѣ какая-нибудь лисица, которой на роду написано умереть отъ моей руки.

Чѣмъ больше я охотился съ чужими, сборными отъ пяти и шести хозяевъ гончими, не валившимися къ рогу, гнавшими въ разнобой, тѣмъ меньше возникало во мнѣ желанія повторять эти опыты и какъ бы грязнить свѣтлыя воспоминанія о гончихъ „правильныхъ“; пришлось перейти къ охотѣ съ облавой, о которой до тѣхъ поръ я не имѣлъ ровно никакого понятія.

Все та же индѣйка—судьба забросила меня въ Сѣверо-Западный край, гдѣ и теперь еще водится масса кабановъ, козъ, лосей и... помню, какъ будто и сейчасъ еще ощущаю, тотъ сильнѣйшій трепетъ восторга и ожиданія, который охватилъ меня при первомъ крикѣ въ линіи загонщиковъ, а я стоялъ и ждалъ никогда еще невиданнаго мною лося; мнѣ представлялся такъ ясно простой разсчетъ, что отъ крика и шума *сзади*, звѣрь пойдетъ *впередъ*, т.-е.